

Шэнь Син почему-то вспомнил слова заведующего отделением пластической хирургии их больницы, Лю Фу. Тот говорил, что привлекательность мужчины нужно оценивать по строению костей: выпуклый лоб, высокая переносица, придающая лицу объем, и линия челюсти, которая определяет весь контур. Перед глазами Шэнь Сина всплыла анатомическая модель черепа, которую Лю Фу как-то приносил к ним в отделение. Сейчас ему казалось, что костная структура лица перед ним могла бы поспорить с той идеальной моделью.

Заметив, что Шэнь Син замер, Цзян Линь помахал рукой перед его лицом.

— Тебя не задели?

— А? Да нет, всё в порядке.

Шэнь Син чувствовал, что сердце колотится слишком быстро, а щеки горят. Он списал это на испуг от тех мальчишек-лихачей на велосипедах. Выпрямившись, он принялся поправлять одежду и, переведя дух, снова посмотрел на Цзян Линя. Он не удержался:

— Когда вернемся в Тяньцзинь, я познакомлю тебя с нашим заведующим пластической хирургией.

Эта странная фраза заставила Цзян Линя опешить.

— Неужели я выгляжу настолько печально, что мне пора что-то подправить?

— Нет, просто покажу ему живой эталон костного строения, чтобы он перестал повсюду таскаться со своим черепом-макетом.

Если Лю Фу увидит лицо Цзян Линя, он наверняка захочет снять с него слепок для образца. Цзян Линь рассмеялся. Мимо снова проехала машина, и он, взяв Шэнь Сина за руку, потянул его ближе к обочине. У Шэнь Сина снова возникло то странное чувство — в месте прикосновения словно покалывало и зудело. Он не успел обдумать это, как услышал голос соседа:

— Ты же говорил, что хочешь купить чашку для чая с молоком? Зайдем посмотрим?

Цзян Линь указал на лавку изделий ручной работы в тибетском стиле. Там было много чайников и чашек. Шэнь Син повернул голову, и его внимание тут же привлекла сине-зеленая кружка на витрине.

— Пойдем, глянем.

Видимо, привычка с прошлых прогулок взяла свое: едва войдя, Шэнь Син первым делом усадил Цзян Линя на стул. Тот лишь улыбнулся и послушно сел. Выбор в лавке был огромный: разные материалы, формы, каждый предмет — штучный товар. Были чашки для молока, для кофе, из серебра, фарфора... Глаза разбегались, но Шэнь Сину всё же больше всего приглянулась та самая первая кружка. Он выбрал вторую в похожей гамме и спросил:

— Хозяин, сколько за эти две?

— Та, что слева — 149, справа — 169.

Узнав цену, Шэнь Син посмотрел на Цзян Линя. Тот сразу считал сигнал о необходимости поторговаться. В итоге две кружки забрали за 200 юаней.

Выйдя из лавки, Шэнь Син протянул один пакет Цзян Линю.

— Держи, это тебе подарок. Когда вернусь, научусь варить чай с молоком, будем пить дома.

— Договорились. Расспрошу пока коллег-тибетцев о рецептах.

Они еще немного побродили и решили возвращаться. За руль сел Шэнь Син.

— Завтра выезжаешь с самого утра? — спросил Цзян Линь с пассажирского сиденья.

— Да, ровно в восемь. Утром приведу к тебе Цяньцзинь.

— Хорошо. Будь осторожен в пути, если что — звони.

Шэнь Син улыбнулся:

— Понял-понял, Герой, ты говоришь это уже второй раз. Я же не один еду, с коллегами. Всё будет нормально.

Доктор Шэнь еще не знал, как скоро жизнь заставит его взять эти слова назад.

В их группе было две машины и четыре человека. Кроме Шэнь Сина, за рулем был сорокалетний заместитель заведующего отделением кардиологии. С ними поехали двое лечащих врачей. Поскольку в деревнях живут в основном пожилые люди, врачи ожидали много жалоб на суставы и позвоночник. К тому же у Шэнь Сина всё еще были проблемы с языком, поэтому от ортопедии поехали двое — вместе с ним отправился Лосан. Заднее сиденье машины Шэнь Сина было забито лекарствами и расходными материалами для осмотров. Эти медикаменты были субсидированы, поэтому для жителей деревень они стоили копейки.

По мере движения на северо-запад фитнес-браслет Шэнь Сина фиксировал постоянный подъем высоты. Снежные горы вдаль становились всё ближе, а на склонах всё чаще виднелись молитвенные флаги. Цветные полотна трепетали на ветру под ярко-синим небом. Иногда встречались яки. Шэнь Син спросил:

— В этих деревнях живут в основном тибетцы?

Лосан кивнул:

— Да, к северо-западу от уезда почти все поселения тибетские. Моя семья раньше жила в деревне впереди, но сейчас там мало народу. Молодежь уехала в уезд, остались в основном старики.

Шэнь Син понимающе кивнул. Похоже, такая ситуация сейчас была во многих сельских районах страны.

По плану они сначала должны были посетить поселок, а затем разъехаться по деревням. Группы разделились: кардиолог со своим напарником поехали в одну сторону, а Шэнь Син с Лосаном — в другую.

Дорога до поселка была сносной, они добрались к обеду. Перекусив, они направились в местную амбулаторию. Основной задачей был бесплатный осмотр жителей старше пятидесяти лет. Поскольку это было бесплатно, людей пришло много. Шэнь Син, благодаря своим успехам в изучении языка, худо-бедно понимал простые фразы, но когда пациенты начинали пускаться в долгие рассказы, приходилось звать на помощь Лосана.

У большинства стариков находили стандартный набор хронических болезней: гипертония, диабет, остеохондроз, артроз. Но встречались и тяжелые случаи. За вторую половину дня попало четверо или пятеро пациентов с серьезными поражениями суставов. У одного мужчины колено так сильно отекает из-за скопившейся жидкости, что сустав напоминает две наложенных друг на друга пампушки. Он уже почти не мог ходить от боли. Увидев его, Лосан сразу позвал Шэнь Сина.

Назначив обследования, Шэнь Син первым делом провел пункцию, чтобы откачать жидкость, а затем пригласил родственников в кабинет. Сопровождала мужчину его жена. Она не говорила на путунхуа, поэтому Лосан переводил:

— Она говорит, что у мужа колени болят давно. Раньше дома они грели их вареными бобами в тряпочке — помогало. Но за последний год стало хуже, колено раздуло, ходить не может. В больницу обращались пару раз, но в сельской амбулатории не могут делать пункцию, только пластыри выписывали. Но они почти не помогают.

Шэнь Син изучил снимки и попросил Лосана перевести: в такой ситуации лучшее решение — операция по замене сустава. Консервативное лечение при такой степени поражения бессмысленно, боль и отеки будут только нарастать.

Шэнь Син увидел растерянность на лице пожилой тибетки. Она спросила, где можно сделать такую операцию и сколько это будет стоить.

Этот вопрос поставил Шэнь Сина в тупик. Он знал, где делают, но цену рассчитать было сложно. В разных регионах разные правила включения эндопротезов в списки медстрахования, к тому же у тибетцев процент возмещения выше. Точную сумму он назвать не мог. Записав номер телефона, он пообещал выяснить детали и перезвонить.

Пациентов было много, и Шэнь Син с Лосаном вышли из амбулатории только в восьмом часу вечера. Отказавшись от приглашения коллег на ужин, они быстро перекусили и поехали в общежитие, выделенное больницей. Условия в поселковом общежитии показались Шэнь Сину суровыми: было холодно и сыро. Для северянина это было тяжким испытанием, но, по крайней мере, здесь был кондиционер.

Шэнь Син включил его на обогрев, перевернул одеяло, чтобы оно прогрелось, и пошел в душ. Надев теплую пижаму, он залез под одеяло с ноутбуком.

В телефоне висело сообщение от Цзян Линя, присланное полчаса назад. Тот спрашивал, закончил ли он работу, и приложил фото, где Цяньцзинь уткнулся мордой в миску с едой. Шэнь Син сразу набрал видеовызов. Цзян Линь ответил быстро. Он сидел на диване, обнимая упитанного Е-Е. Увидев хозяина, собака тут же ткнулась мордой в экран и заскулила, явно прося ласки.

— Ну и мордаха знатная, — усмехнулся Шэнь Син.

Цзян Линь потрепал собаку по уху, заметив, что Шэнь Син лежит в кровати.

— Ты уже устроился? Как условия? Сильно устал сегодня?

— В поселковом общежитии. Нормально, кондиционер есть. Работы много, пациентов было море, только недавно в комнату зашел.

Цзян Линь присмотрелся к волосам соседа — тот явно недавно вымыл их, кончики еще были

влажными.

— Принял душ? На такой высоте будь осторожен, не спровоцируй горную болезнь.

— Всё нормально, пока ехали, ничего особенного не чувствовал. Я не могу уснуть, не помывшись. Как Цяньцзинь? Слушается?

Услышав свое имя, собака снова полезла в экран. Цзян Линь улыбнулся:

— Мы немного поиграли в мяч, он умница.

Шэнь Син еще немного поговорил с ними и отключился — дел на вечер было еще много. Глядя на Лосана, Шэнь Син спросил, продолжая изучать цены на протезы:

— Лосан, в уездной больнице сейчас не делают операции по замене суставов? Только в Баошане?

— У нас делали пару раз, но это семьи пациентов привозили приглашенных хирургов. Наши врачи сами не оперировали.

— А ты ассистировал на таких операциях?

— Когда был на стажировке. Но я был вторым ассистентом, а не первым. Директор Шэнь, если бы мы могли делать это у себя, Доцзи и другим было бы намного проще. Помню, в прошлом году на собрании главврач говорил, что хочет внедрить эти операции. Думаю, директор Чжу на стажировке тоже будет делать упор на эндопротезирование. Местные жители часто дальше уездного города никуда не выбирались, Баошань для них — край света. Было бы здорово делать это на месте.

Шэнь Син кивнул.

— У тебя есть список лекарств и материалов, покрываемых страховкой Юньнани?

— Да, есть.

— Скинь мне.

Весь вечер Шэнь Син занимался расчетами. Он выписал все виды эндопротезов, расходников и лекарств из страхового списка, пометил цены и прикинул общую стоимость с учетом страховки. Получалось, что операцию на одном колене вместе с госпитализацией можно уложить в 20 тысяч юаней. Если делать оба — в районе 30 тысяч. Это не считая расходов семьи на поездку и питание в Баошане. Если оперировать в уезде, экономия была бы существенной.

Дни осмотров оказались даже более напряженными, чем работа в больнице. Со второго дня у Шэнь Сина начала побаливать голова. Он понял, что это всё-таки легкая форма горной болезни, начал пить родиолу, но не придавал этому значения. Каждый вечер он созванивался с Цзян Линем, смотрел на Цяньцзинь и болтал о мелочах. Но сегодня ответа от соседа долго не было.

Цзян Линя не было дома. А началось всё утром во время прогулки. Дорогу, по которой они обычно гуляли, перекрыли на ремонт, и Цзян Линь повел собак по другому, менее людному пути. Белый Е-Е, снedaемый любопытством, всю дорогу что-то вынюхивал. Заметив на земле какой-то пакет, он уже открыл пасть, чтобы схватить его, но тут на него внезапно гаркнул

Хэйбао. И не просто гаркнул — овчарка еще и лапой заехала ему по морде.

Цяньцзинь, который за эти дни уже привык к Хэйбао и даже воровал его консервы, страшно обиделся и испугался. Услышав шум, Цзян Линь остановил машину. Он увидел пушистый ком, который со страха прижал уши и сжался в комок подальше от Хэйбао. Собака выглядела донельзя расстроенной и даже начала всхлипывать. Цзян Линю пришлось долго его уговаривать, прежде чем он согласилась идти дальше.

Теперь Цяньцзинь шел по самому краю дороги, подальше от овчарки, словно боясь ее или не желая иметь с ней дел. Дорога была плохой, с лужами. После недавнего снега с дождем лужи превратились в грязные ямы. Сзади просигналила машина, и напуганный Е-Е от неожиданности оступись и рухнул прямо в грязь. Белоснежная шерсть мгновенно промокла и почернела.

Цзян Линь снова вышел из машины и увидел перед собой «цементного» Е-Е. Ему нужно было на работу, вести его мыть в салон он не успевал. Пришлось обтереть его полотенцем, довести до дома, еще раз протереть влажной тканью и оставить до вечера.

Шэнь Син посмотрел на время — уже половина девятого — и набрал видеовызов. Цзян Линь ответил не сразу. На экране был капитан, а на его плече висел большой белый ком.

— Ты где это?

— Цяньцзинь утром упал в грязь, только что забрал его из мойки.

Шэнь Син посмотрел на этот комок шерсти. Ну конечно, упасть в грязь — это как раз в стиле его глупой собаки. Ему стало неловко, что Цзян Линю пришлось возиться с ней так поздно, и он поспешно добавил:

— Не тащи его на себе, пусть сам идет! В нем же больше тридцати килограммов, тебе нельзя так нагружать руку!

Цзян Линь чувствовал, как Е-Е подлизывается, утыкаясь ему в шею:

— Всё в порядке, он сегодня натерпелся. Я держу его правой рукой. Скоро буду дома и перезвоню.

Цзян Линь дотащил «тушку» до машины. Дома Е-Е всё еще пребывал в депрессии. Перезванивая Шэнь Сину, он подумал, что после разговора тайком даст ему баночку консервов. Шэнь Син ответил мгновенно. Цзян Линь подтащил собаку к камере и рассказал об утреннем происшествии:

— Хэйбао обучен не подбирать ничего с земли. Утром Цяньцзинь хотел схватить какую-то гадость, и он на него нарычал. Он весь день проплакал от обиды.